1

НАЧАЛО. ВЫБОР ЦЕЛИ

Василий Александрович Динков родился 25 декабря 1924 года в селе Луначарское Запорожской области в семье Александра Георгиевича Динкова и Марии Матвеевны Маневской. Он был вторым ребенком в семье после рождения сестры Ольги (в 16 лет она скончалась от туберкулеза). Набожная мать, родившая сына в день католического рождества, в глубине души уверовала в необычную судьбу сына. Тремя годами позже у него родился брат Юрий.

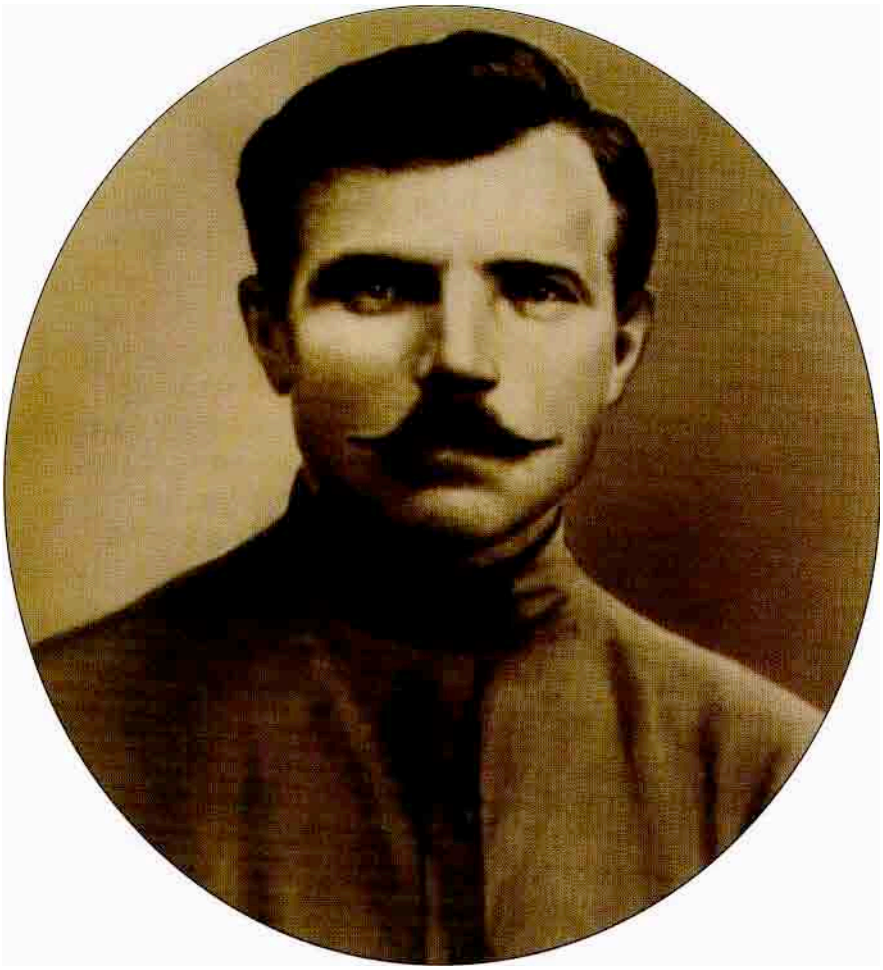
Появлению болгарских предков Василия Александровича в России способствовала решимость его прадеда Павла Динкова, эмигрировавшего из Болгарии после побед русско-болгарского оружия над Оттоманской империей, в которых было и его, высочайше отмеченное ратное участие. Полученный им в награду по царскому повелению Александра II крупный земельный надел в Запорожской области стал основой благополучия Динковых в новой российской жизни. Он был рачительным, трудолюбивым и хлебосольным хозяином, хорошим семьянином, в короткий срок выросшим в состоятельного владельца крупных виноградников, маслобойни, позволивших приумножить земельную собственность и заработанное неустанным трудом состояние. Среди его трех сыновей особенным трудолюбием и умением отличался младший Георгий. Его смекалка и завидная физическая сила создали у братьев Федора и Дмитрия и их семей прочную репутацию надежного продолжателя дела отца. Однако традиционному оформлению этого акта мешала бездетность Геор-

гия. Неукоснительно соблюдаемые строгие правила не позволяли бездетному сыну претендовать на получение от отца в пожизненное наследованное пользование родового земельного надела. Непременным условием этого для претендента было наличие своего наследника.

С общесемейного согласия его многодетный брат Дмитрий (семеро детей) передал ему на усыновление новорожденного Александра. Получив от родителей после усыновления Александра земельный надел, Георгий Динков с головой окунулся в хозяйство. Прочно унаследованная им традиционная любовь болгарина к возделыванию земли очень быстро стала вознаграждаться богатыми плодами. Будучи щедрым от природы, он вырос в известного своими благотворительными акциями филантропа, оказывая регулярную продовольственную и иную материальную помощь неимущим и малоимущим семьям. Его трудолюбивые братья успешно соперничали с ним и в возделывании земли, и в благотворительности. Их крепко поставленные дома были тому убедительным свидетельством. Где-то в Запорожской области и сегодня стоит здание построенной Динковыми гимназии.

К своему энергичному и во всем отличавшемуся от окружающих «деду» Георгию Василий на всю жизнь сохранил горячую привязанность и благодарную память. Василию Александровичу незабываемо запомнилось, как ему, шестилетнему малышу, «дед» Георгий однажды вручил парикмахерские принадлежности, сел перед зеркалом, подставив оторопевшему внуку шевелюру, — «стриги!». Одному богу ведомо, что из этого получилось. Обычно через час терпеливого сидения перед внуком, который, высунув язык и пыхтя, трудился над его густой шевелюрой, Георгий Павлович поднимался, щедро благодарил довольного внука, — «у тебя золотые руки», — и, оглядев себя в зеркало, отправлялся, как потом стал понимать повзрослевший Вася, в парикмахерскую, доводить дело «до ума».

И так раз в месяц. Свидетель «пострига» — отец, Александр Георгиевич, при этом повторял: «Все, чем бы ты не занимался, ты должен делать основательно». Эти уроки трудовых навыков не прошли даром. Василий Александрович стал классным домашним парикмахером. Домашние свидетельствуют, что и его внуки, не без явного ропота и смирившись, под живучие в каждом болгарине габровские шутки и прибаутки подставля-



Матвей Маневский, дедушка В.А. Динкова по материнской линии. Это единственная сохранившаяся фотография предков третьего поколения родительской линии Василия Александровича. На снимке Матвей Маневский перед уходом на фронт. Бердянск, 1914 г.

ли свои шевелюры ловко стригущим ножницам *уже* своего деда.

Именем «Василий» он был наречен в честь одного из братьев отца, высокообразованного юриста, выпускника Санкт-Петербургского университета, а впоследствии боевого офицера царской армии.

Материнская линия Василия Александровича обладала не меньшими достоинствами. Уроженка Бердянска, Мария Матве-

евна Маневская, была единственной дочерью весьма состоятельных родителей в болгарско-молдавской семье. В тяжелые годы, пришедшие на начало XX века, ее родители удочерили четырех девочек-сирот, отдав их достойному воспитанию немало сил и стараний. Отец Марии, Матвей Маневский, был человеком исключительных и разносторонних знаний. Он владел семью языками, вызывая у окружающих глубокое почтение и уважение. Его судьба достойна отдельного повествования. Образованная личность, он в первые же дни первой мировой войны был призван в действующую армию, востребовавшую его знания. Поначалу победоносные боевые свершения российской армии в Восточной Пруссии завершились тяжким поражением. В августе 1914 года корпус 2-й армии генерала Самсо-нова, углубившийся в позиции противника, был окружен и после тяжких потерь сдался на милость победителю. Для Матвея Маневского война закончилась, едва начавшись. Однако ни тяжкие испытания в лагерях военнопленных и последующие скитания, ни сведения о свержении царя и свершившейся в стране революции, ни слухи о переживаемом в стране голоде и разрухе не ослабляли его твердого намерения вернуться на родину и найти семью.

Судьба забросила его в Австралию, где он оказался в кругу однополчан, агрессивно настроенных к его желанию вернуться с миром на родину. Он спокойно отверг предложение о вступлении в отряды белой армии для участия в гражданской войне. После невероятных мытарств и лишений ему удалось добраться до Греции, где знание греческого языка помогало не умереть с голоду. Однако предупрежденный доброжелателями об опасности наткнуться на граждан Греции из ее бывших господ, исповедывающих иную религию и люто ненавидящих Россию, он прикинулся незнающим языка Греции и, пользуясь незнакомыми для местных знаниями скандинавских языков, больше полагался на международный язык жеста. Эта тактика спасла его однажды от неминуемой беды, когда из разговора на греческом языке двух незнакомых встречных он понял, что речь идет о том, чтобы его сдать в полицию... И все же мир был не без добрых людей, и в 1925 году на случайном корабле, где он подрядился грузчиком, Матвей Маневский вошел в порт Одесса и заявил о своем желании остаться на родине.

Родители Василия Александровича: Александр Георгиевич и Мария Матвеевна

Ему и рассказанной им истории своей жизни не сразу поверили, но представленные документы и подтвержденные знания семи языков как будто смягчили суровость пограничников, однако всю оставшуюся жизнь он чувствовал на себе подозрительные взгляды представителей местной власти, где бы он не находился. Так, через одиннадцать лет отсутствия он вернулся в Бердянск, где не без труда нашел родителей. Его не смущало ни новое название старого села «Луначарское», куда переехала жена с детьми, ни новая власть, девизом которой был глубоко воспринятый им лозунг «Кто не работает, тот не ест», ни то, что за время своего отсутствия он уже дважды дедушка — у него есть внучка Ольга и годовалый внук Василий. Он одобрил выбор дочери Марии, муж которой, Александр, пришелся по душе. Он жаждал одного — трудиться во благо родной большой семьи. Объявленные новой властью возможности достойного трудоустройства на ниве частного предпринимательства,

повсеместно обсуждаемая новая экономическая политика и ее возможные перспективы вселяли определенный оптимизм, не снимая, однако, ощущения приближающейся тревоги. Он познакомился со своими новыми родственниками и был благодарен Георгию Динкову за постоянную помощь семье дочери Марии и надеялся, что его энергия и опыт найдут достойное применение в условиях НЭПа.

Однако возможность благодатного и относительно свободного возделывания земли, а также частного предпринимательства на ниве просвещения, чем не безуспешно стал заниматься Матвей Маневский, длилась недолго. Год рождения Василия совпал с обострением в молодой стране внутрипартийной борьбы и воцарением нового «хозяина». Сталин решительно и круто взялся за новое переустройство страны и одним из первых шагов в этом направлении стало свертывание НЭПа. Директивы первого пятилетнего плана были нацелены на всемерную индустриализацию страны, что в свою очередь требовало все новых и новых рабочих рук в огромной крестьянской стране. В этих условиях логическим подарком стране к 50-летию со дня рождения ее главного идеолога, в 1929 году стали репрессивное отлучение от земли и насильственное приобщение к заводскому труду многомиллионной массы крестьян-хлеборобов. Их изгнание не могло не обернуться голодом в стране. И не в последнюю очередь страшные испытания обрушились на сельскохозяйственную Украину. Запорожскую глубинку обойти стороной они не могли. Так называемое «раскулачивание» тяжелым колесом прошлось по хозяйству, созданному трудом трех братьев, Федором, Дмитрием и Георгием Динковыми, и их семьями. От неизбежных репрессий и голода некогда зажиточную семью Динковых спасли сочувствие вовремя предупредивших благодарных односельчан, не предавших забвению динковские добрые дела, и своевременное переселение в Краснодарский край, где традиционно, еще с екатерининских времен, селились запорожские и черноморские казаки. Для Динковых переезд и новое поселение стали спасительным исходом.

Здесь, на окраине Краснодара в станице Пашковской Вася Динков пошел в первый класс. Василий Александрович рассказывал внукам, как при всей убогости классных помещений и школьных лабораторий, при очевидной бедности в семьях, дети учились с большим рвением. Учеба давалась легко. Круглый

Ученики 3-го класса школы № 6 в Краснодаре. Во втором ряду второй слева сидит Вася Динков

отличник с явно выраженными предпочтениями математике и физике по-настоящему привязался к преподавателям этих двух дисциплин. Два обрусевших немца, физик и математик, потомки далеких предков, еще со времен Екатерины Великой приглашенных в Россию со своими земляками — представителями различных профессий, сделали все, чтобы оставить о себе благодарную память в сердцах многочисленных учеников. «Физика и математика, — как часто вспоминал В.А. Динков, — в школе изучались капитально.» Их общая судьба, как и судьбы многих безвинных в жестокое время нашей страны, сложилась трагично. В конце тридцатых годов они подверглись репрессиям и многие из них были арестованы. Оставшихся сослали вглубь страны в первые же месяцы нагрянувшей войны.

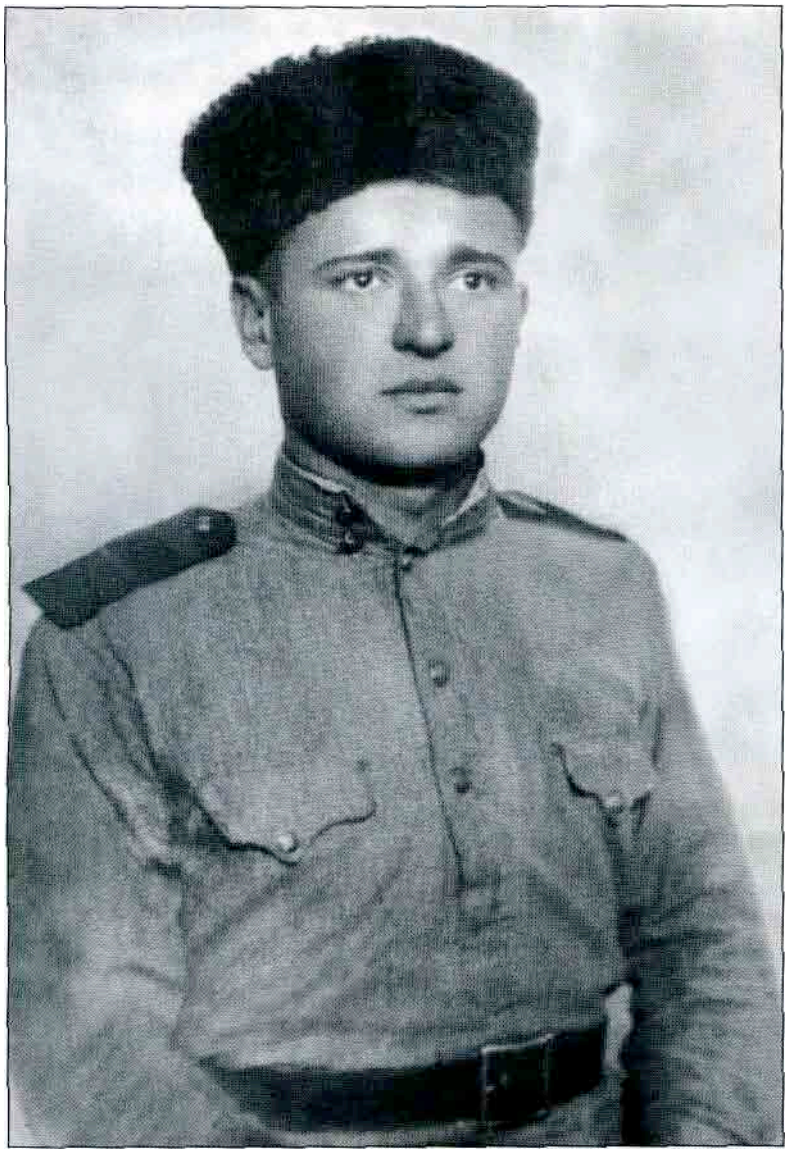
С первых же дней войны, заставшей Динковых в Краснодаре, в стране происходили стремительные перемены. Все взрослое мужское население края уже в 1941 году, надев солдатские и командирские шинели, вступило в ряды Красной Армии. Суровые военные испытания Динковы выдержали достойно. Уча-

стниками Великой Отечественной войны стали восемь мужчин, представители двух поколений многочисленных родственников Динковых, в том числе все мужское население — трое из отеческой семьи Василия. Его младший брат, Юрий, как и двоюродный брат, Дмитрий Иванович, пошли воевать в начале 1945 года.

(Здесь стоит отметить, что всеобщей гордостью Динковых была двоюродная сестра отца Василия, Наталия Кисса. Женщина удивительной героической судьбы. Она была помощником капитана теплохода Черноморского флота, участницей военных походов в Одессу и Севастополь в годы войны и единственной в стране женщиной — капитаном дальнего плавания в послевоенные годы. Кавалер многих боевых орденов и медалей, она в 1960 году была удостоена звания Героя Социалистического Труда и ее именем был назван теплоход «Капитан Кисса».)

Одним из первых, в самом начале войны добровольно ушел на фронт отец Василия, Александр Георгиевич. На душе у родственников было тягостно. Доходили слухи о том, что вместе с не первый век жившими в стране и давно обрусевшими немцами высылке в необжитую восточную глубинку подлежат и болгары. Мол, является же Болгария союзницей Германии в войне против СССР, а «на войне, как на войне», все чаще повторяли пессимисты. Правда в памяти всплывали «спасительные» воспоминания об их земляке Георгии Димитрове, достойно отстоявшем в неравной схватке с фашистским судилищем чистоту идей, мировым знаменосцем которых выступал СССР. «А это не может, не должно не учитываться», — думали обуреваемые тяжелыми предчувствиями по дороге на передовые позиции повсеместно отступавшей армии солдат Этой армии, доброволец Александр Георгиевич Динков, его братья Иван, Павел, Яков Динковы и Петр Манусов. Эти переживания не были лишены основания. Многие болгарские семьи действительно, в считанное число часов снимались бдительной властью с обжитых мест и высылались в неведомое.

В 1941 году, в первые же дни войны в неполные семнадцать лет Василий Динков появился в военкомате с требованием отправить его на фронт. «Мал еще воевать, — услышал он от военкома, — а фронту можно помочь и на рабочем месте.» И он



На снимке красноармеец Василий Динков. Краснодар, август 1942 г.

старательно трудился на несложном поприще экспедитора, куда был принят после долгих увещеваний.

Через год с небольшим обращаться в военкомат не стал, а попросту присоединился к частям отступающей армии, которая возраста не спрашивала. В нем проснулся дух героического болгарского прадеда, о подвигах которого еще в далекие се-

На фотографии запечатлен помкомвзвода Василий Динков в первый день после войны. Впереди еще два долгих года службы в армии. Югославия, 9 мая 1945 г.

В 1944 году после освобождения Краснодара, где в оккупации оставались мать с его младшим братом, командование разрешило комсоргу взвода
Динкову навестить родных.
На снимке Мария Матвеевна с сыном. Станица Пашковская, Краснодарский край, 1944 г.

мидесятые годы XIX века был осведомлен российский император. И Василий Динков честно исполнил свой долг перед Родиной в воинских частях действующей Красной (Советской) Армии на территории нашей страны, а затем в Болгарии, Румынии и Югославии, демобилизовавшись из армии лишь через два года после окончания войны, заставшего его в далекой Югославии. Два послевоенных года он отслужил в Тернополе и появился в родном доме в 1947 году, демобилизованный 13 марта по февральскому указу Президиума Верховного Совета СССР. За три года до этого ему удалось убедить командиров

и получить недельную командировку в освобожденный в феврале 1943 г. Краснодар, где в шестимесячной оккупации оказались мать с младшим братом. Потом он рассказывал, что все дни его пребывания на «побывке» мать ни на минуту не отпускала его руку. Тогда *же* он узнал о расстрелянном немцами дяде, Марке Аврамовиче Манусове, и сожженном доме «дяди Гачо», как с ласковыми болгарскими интонациями он называл деда Георгия.

Иначе сложилась судьба отца. В мае 1942 года под Харьковым он оказался в плену. Воинская часть, в которой служил А.Г. Динков попала в окружение и была пленена. Он оказался среди тех четырех миллионов пленных, которых по подсчетам первого секретаря Союза писателей СССР, Героя Советского Союза Владимира Карпова Красная Армия потеряла в первые годы войны. Дома Александр Георгиевич появился в том же 1947 году, что и сын. Освобожденный из плена, где на шахтах использовался рабский труд таких как и он несчастных, он прямиком отправился в советскую оккупационную зону. Освободившие его американцы этому не препятствовали, напомнив лишь, что значительная часть его освобожденных соотечественников предпочла выбрать новую родину — Америку. Подобная мысль для Динкова-старшего была невозможной. После первой же встречи с представителями СМЕРШа в советской зоне Германии, он понял, что его страдания будут продолжены. О последующих двух годах в дефильтрационных лагерях и в сибирской глубинке он старался не вспоминать и искренне благодарил судьбу за то, что после стольких испытаний он наконец-то дома... Его знания оказались невостребованными, и, работая грузчиком хлебозавода, он лишь однажды отметил, что мытарства таких, как он, талантливо описал в своей прозе и сам побывавший в штрафниках писатель Владимир Карпов. Много позже выяснилось, что речь шла о знаменитом разведчике в полку у Алексея Кирилловича Кортунова, который много лет спустя в своем министерском кабинете познакомил бывшего комвзвода пешей разведки 629-го стрелкового полка В.В. Карпова со своим заместителем Василием Александровичем Динковым.

Возвращаясь к памятной школьной поре, оставившей на всю жизнь глубокий след в памяти Василия Александровича, хотелось мысленно вернуться в ту удивительную атмосферу,

созданную школьными учителями. Опытные и скромные сельские преподаватели, они по праву могли гордиться теми из учеников, кому удалось привить любовь к делу своей жизни. Заботливо привитые школьные знания, закрепленные и углубленные затем в институтские и последующие годы инженерных будней, превратили их обладателей в высокоавторитетных специалистов. Знать бы канувшим в лету педагогам, что без малого через полвека один из их учеников и на родине их предков, ставшей для них столь далекой, в Германии будет удостоен высочайшей похвалы из уст президента всемирно известной компании «Маннесман». Ответственному представителю советской делегации на важных переговорах В.А. Динкову он прилюдно выразил восторженное отношение, назидательно заявив своим сотрудникам: «Почему для решения мало-мальски сложного вопроса я вынужден приглашать на длительное обсуждение до одиннадцати своих технических специалистов, в то время, как задачи значительно большей инженерной сложности господин Динков способен решать и, что самое удивительное, решает высококомпетентно, пользуясь лишь собственными знаниями...?!»

«У меня были хорошие учителя, — произнес в ответ В.А. Динков, — со школьной скамьи.»

Война, словно огромные жернова, перемалывая сознание, выдавливая из него все накопления предшествующей жизни, выковывала волю и развивала инстинкт. Юноша 1924 года рождения, Василий был в самой сердцевине, срединной частью поколения 1922—1926 годов, вынесшего основную тяжесть страшной мировой войны, оказавшейся особенно смертоубийственной для нашего народа. Каждодневная смертельная опасность превращала вчерашних школьников в самоотверженных, мужественных и часто бесхитростных бойцов, становившихся мишенью настигавшего их смертоносного металла.

Из 25 сверстников — одноклассников Василия в 1948 году на прерванном войной школьном уроке для завершения среднего образования встретились лишь трое вчерашних фронтовиков. В первые же дни учебы Василий, к своему ужасу обнаружил, что его память не сохранила знания, казалось, навек обретенные в предвоенные мирные годы. «Неужто начисто и навсегда?» Было досадно получать контрольные работы, буквально испещренные красным карандашом педагога. Неотступно

терзала мысль — «неужели не одолею школу, как быть с высшим образованием?». Но страхи оказались напрасными, и шаг за шагом он восстанавливал свое репутацию отличника и лучшего ученика школы. Беспокоило лишь одно. Со времени демобилизации в 1947 году он весьма успешно трудился в колхозе «Путь Ильича» и в послевоенном Краснодаре местные власти связывали судьбу дисциплинированного молодого человека, уже проявившего организаторские способности, с продолжением спорившейся работы в аграрном секторе. К тому же у него появилась семья, что накладывало новые обязанности. Но его женитьба на Анне Степановне Шевцовой после демобилизации в силу многих причин оказалась столь же естественно-стремительной, сколь и недолговечной. Однако, это ни в коей мере не отразилось на отношении к родившемуся в 1949 году сыну, нареченного в честь деда Александром. (Ответственность за его воспитание и профессиональное становление Василий Александрович пронес через всю свою жизнь. В свою очередь, размолвка в семье отца не ослабила и сыновних чувств к нему Александра, свидетельством чего всегда были воспитанные уже в двух своих сыновьях, Владимире и Сергее, добрые отношения внуков к деду.) Его настойчиво уговаривали принять руководство вновь организованным колхозом либо совхозом. Он же видел свое будущее только в промышленном производстве. Решению вопроса «кем быть?» помог Его Величество Случай.

Летним солнечным утром 1948 года на площадке грохочущего на стыках послевоенного краснодарского трамвая в толпе торопившихся на работу горожан оказался молодой человек, лицо которого не скрывало печати очевидной озабоченности. Позади юность, суровые годы войны, о которой он знал не понаслышке, двухлетняя сверхсрочная служба. Всего год назад он демобилизовался, оставив затянувшуюся без малого на пять лет службу в армии. В августе 1942 года став в неполные 18 лет солдатом действующей Красной Армии в Великой Отечественной войне и прошагав по военным дорогам около трех лет, он продолжил военную службу до минувшего 1947 года. Его сверстницы трудились на предприятиях и в учреждениях родного города, воспоминания же о школьных сверстниках были бесконечно горестны. В этот период перед ним внезапно открылась совершенно неожиданная перспектива. Партийные руководители города сочли для себя в высшей степени удачным сделан-

ный выбор — направить молодого фронтовика и почти кадрового военнослужащего в областную сельскохозяйственную глубинку руководителем вновь организованного колхоза. Кому, как не ему, за плечами которого пятилетняя армейская дисциплина, рассудили отцы города, поднимать разрушенное временем и войной сельское хозяйство.

В идущем к центру города трамвае он неотступно думал о предстоящей, как его предупредили, заключительной беседе для оформления предрешенного вопроса. По установившейся традиции мнение рекомендуемого в расчет не принималось. «Партийная дисциплина». Ему предстояло выдержать нелегкое жизненное испытание.

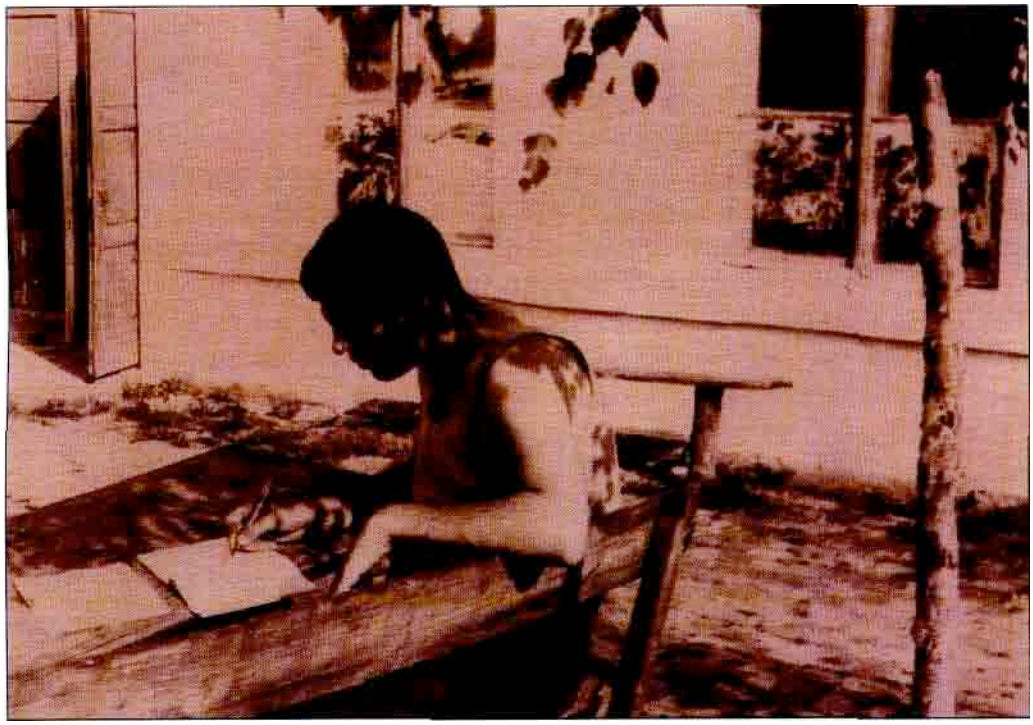
С такими невеселыми думами и с партийным представлением в нагрудном кармане видавшей виды армейской гимнастерки, стоя на площадке остановившегося трамвая, молодой человек обратил почти отсутствующий взор на броское объявление, вывешенное на здании у трамвайной остановки. Объявление приглашало желающих со средним образованием на собеседование, обещая при окончательном положительном исходе учебу «на инженера-нефтяника» в намечаемом к открытию Краснодарском филиале Азербайджанского индустриального института.

Василий Динков, а это был именно он, не задумываясь, спрыгнул с уже отошедшего трамвая, решительно направился к объявлению и, как подтвердила жизнь, переступив порог здания, шагнул навстречу своей судьбе,

Все последующее время, засев за книги, он настойчиво готовился к экзаменам.

Об этих днях тепло вспоминает один из его земляков-друзей, впоследствии один из крупных специалистов-руководителей в нефтяной промышленности **Анатолий Степанович Халаберда.**

«С Василием Динковым, — пишет он, — я познакомился в 1949 году, когда было объявлено о приеме на геологический, нефтяной и нефтехимический факультеты Краснодарского филиала АзИИ, который обещано было открыть к началу учебного года в сентябре. Небольшой конкурс успешно выдержали около 100 человек, в их числе и мы с Василием. К концу августа мы приглашались познакомиться с расписанием занятий и уточнить место их проведения. Однако нас неожиданно собра-



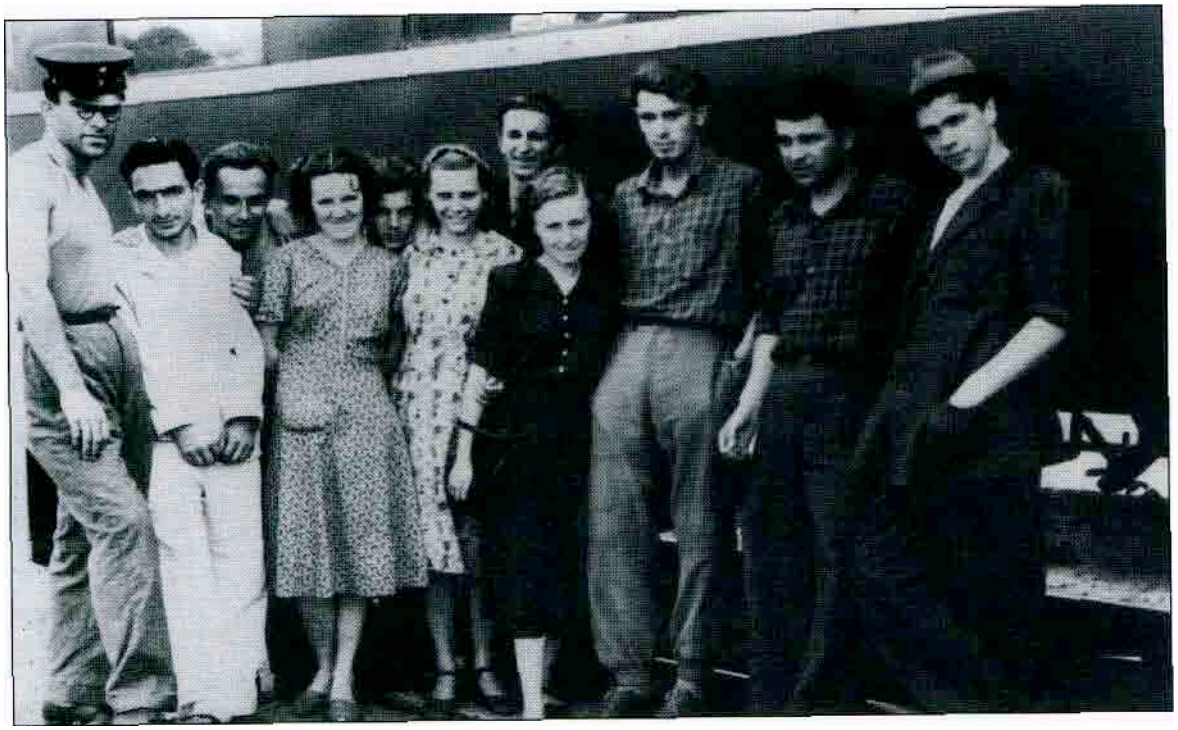
На снимке подготовка к вступительным экзаменам, которые он сдал на •«отличное и стал студентом нефтепромыслового факультета АзИИ в Баку. Станция Пашковская, Краснодарский край, 1948 г.

ли в середине августа, чтобы сообщить неприятную весть о том, что по необъяснимым причинам открытие филиала не состоится, и все 100 человек могут забрать документы и попытаться поступить в другие вузы. Наше возмущение было безгранично. Родилось предложение обратиться с петицией к руководителю крайкома КПСС Игнатову. В число избранной нами делегации участников войны вошел и Василий. Обращение возымело действие, и по договоренности с руководством Азербайджана вся наша «сотня» была зачислена студентами АзИИ. В Баку согласились поехать все, и к началу учебного года товарно-пассажирский («500-веселый», как его называли в народе) поезд доставил нас в столицу Азербайджана. Необходимо отметить, что в связи с принятым решением о нашем зачислении в АзИИ сложилась напряженная ситуация со студенческими стипендиями, лимит которых оказался исчерпанным. Разу-

меется, к нам, как к иногородним студентам, было проявлено великодушие. Соответствующее число бакинских студентов уговорили учиться без стипендии. С размещением в студенческом общежитии дело было сложнее. Ночь мы провели в вестибюле общежития, а наутро нас разместили по комнатам, в том числе и полуподвале, окна которого лишь на треть возвышались над тротуаром, но нас это нисколько не смущало.

Мы были счастливы, что приняты в институт и над головой имеется крыша. Впоследствии, с переходом на каждый последующий курс, мы жили этажом выше. Мы не роптали, так как яе были избалованы жизнью. Ведь за плечами была недавно задй^нчившаяся, тяжелейшая не только для ее участников — война, и на дворе лишь четвертый мирный, 1949, год. В институте все утряслось также быстро. Нас распределили по группам, в которых в связи с неожиданным появлением «краснодарской сотни», в группах оказалось по 40—45 студентов, сверх всякой нормы. Волею судьбы мы с Василием оказались в одной группе...»

Память воскрешает картины далеких бакинских студенческих лет. Он появился в широких и светлых коридорах нефтепромыслового факультета института в сентябре 1949 года. Несколько крупный для своих 25 лет, в широкой и длинной солдатской шинели поверх видавшей виды гимнастерки, с необычной для этих мест темно-рыжей шевелюрой (через много десятилетий она четырехкратно повторится во внуках), с характерным малороссийским врастяжку говором и бьющей через край жаждой знаний. Пожалуй, он был самым взрослым из всех обучавшихся в институте студентов всех курсов. Его крупная фигура и очевидный возраст вызывали проявления почтительности со стороны 17—18-летних сокурсников русских и азербайджанских групп, длительное время признававших в нем преподавателя. Всегда окруженный плотной группой студентов-земляков, он и впрямь походил на педагога. Бессменный староста группы и курса, он со студенческих лет брал на себя ответственность за успеваемость отстающих в учебе товарищей, и его спасительная близость сопровождала их успех до дней дипломной защиты. Он был прирожденным руководителем, а друзья и товарищи в шутку называли его «наш министр». «Быть тебе, Вася, министром, — вспоминает А.С. Хала-берда, — частенько говорили наши успешно вышедшие на ди-



Студенты третьего курса на Бакинском железнодорожном вокзале перед отъездом на практику в Закарпатскую Украину в г. Дашава. На снимке слева направо: Мартиросов, Шагаров, И. Низиенко, З. Стен-шина, Агакишиев, (?), В. Протасов, Л. Мочалова, Е. Бурлаков, В. Дин-ков, В Козлов. Баку, 1952 г.

пломную защиту четыре девушки 242-й группы. Четыре из шестнадцати, дошедших до диплома. А начинали учебу в группе сорок четыре человека.»

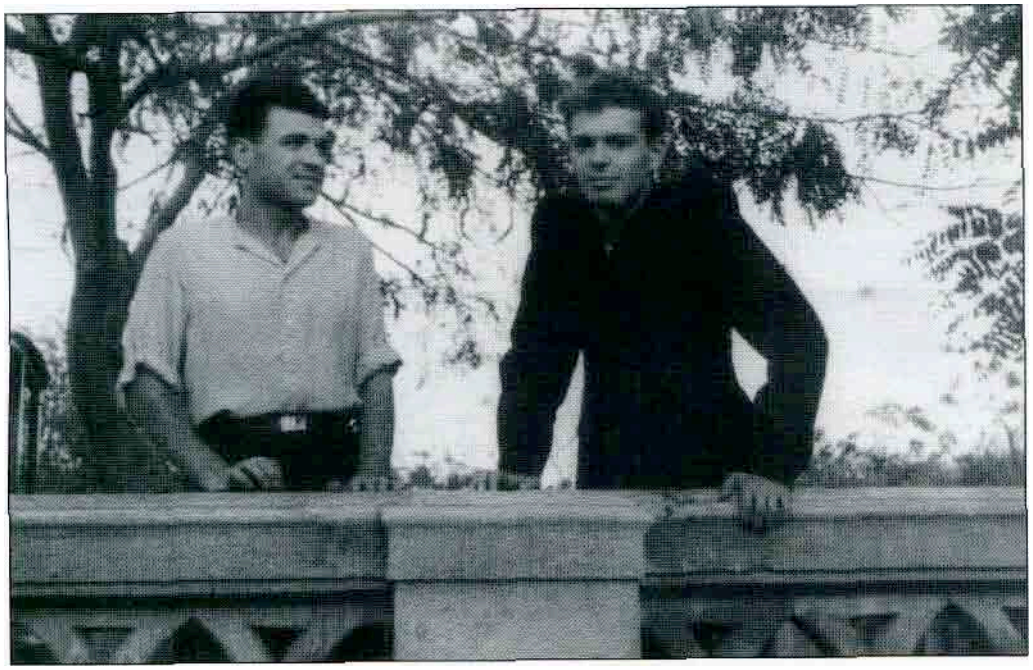
Как показала жизнь, высказанные пророчества лишь опережали время. Но даже и безгранично буйной студенческой фантазии друзей не хватало видеть в своем товарище не просто «министра». Кто-то из друзей обратил внимание на то, что, так часто используемая в настоящее время аббревиатура фамилии, имени и отчества у Динкова Василия Александровича, круглого отличника, означала «ДВА»... Ответ на загадочное совпадение был получен в 1985 г., когда решением Правительства Василий Александрович после руководства Мингазпромом СССР был назначен министром нефтяной промышленности

Эта шутливая фотография последнего года студенческих лет. На снимке Владимир Козлов и Василий Динков в минуты прекрасного настроения. Баку, 1954 г.

СССР, став дважды министром в Правительстве СССР — великой нефтегазовой державы мира.

Предоставим слово воспоминаниям друзей студенческих лет. Вспоминает **Лариса Петровна Низиенко,** из той самой «краснодарской сотни».

«Старостой нашей 242-й группы нефтепромыслового факультета АзИИ был Василий Динков — это был симпатичный серьезный молодой человек, отслуживший в армии и привыкший к воинской дисциплине. По сравнению с нами, вчерашними десятиклассниками, это был уже солидный мужчина, хотя разница в возрасте составляла 6—7 лет. Мы завидовали его собранности, трудолюбию и усидчивости. От нас он требовал того же. На экзамен он всегда входил в первой тройке студентов, и его неизменной оценкой была «отлично». Мы поражались, с каким упорством он осваивал казалось неподдающийся нашему кубанскому старанию азербайджанский язык. И наш удивленный его успехами преподаватель азербайджанского языка



Они были самыми близкими друзьями все годы совместной учебы и отпущенной Жене Бурлакову короткой жизни.
На снимке неразлучные друзья, Василий Динков и Евгений Бурлаков, Баку.
1953 г.

«муаллим», искренне восторгаясь, всегда ставил нам его в пример.»

«На третьем курсе, — продолжает воспоминания Лариса Низиенко, — у нас была первая выездная практика. Наш путь лежал в Закарпатскую Украину, в г. Дашава. Сделанная кем-то фотография на память на вокзале в Баку надоумила Василия приобрести свой коллективный фотоаппарат. В Минеральных Водах, где у нас была пересадка с долгим ожиданием своего поезда, он предложил сброситься и купить фотоаппарат. Сказано — сделано. Мы наскребли свои копейки и, «мастерски» щелкая купленным ФЭДом, запечатлели на фотографиях свой студенческий восторг. Увлекшись фотографированием в Кисловодске (грех было не воспользоваться представившейся возможностью быть в каком-то часе езды на электричке от всемирно известного курорта и не посетить его), мы чуть было не опоздали на поезд. Однако все обошлось. Кстати, по предложе-

Студенческие годы

нию Динкова наш ФЭД был разыгран по жребию, и выигравший его счастливчик, выполняя условия жребия, наполнил памятные альбомы каждого из нас, пусть и не профессионально отснятыми, но для каждого из нашей группы прекрасными воспоминаниями незабываемой студенческой молодости. Фотоаппарат исправно служил группе все годы учебы.»

Свидетельством этого являются приведенные в книге фотографии.

Для Василия Динкова студенческие годы это еще и повседневная жизнь, с ее .житейскими заботами и неустанными попытками помочь материально родителям. Не в пример всем в группе ему уже под тридцать, и он считал своим сыновним долгом найти выход этому желанию. Родители и молодая семья дома терпели лишения, а скудной, пусть и повышенной, стипендии в 500 рублей (обычная составляла 395) едва хватало на

Василий в своем первом в жизни пальто, купленном на деньги от повышенной стипендии. Краснодар, 1953 г.

жизнь и книги. В общежитии он устроился работать библиотекарем в послеурочное время и стал регулярно отсылать домой получку. Каково же было удивление приехавшего на каникулы сына, когда отец вручил ему тщательно собранные денежные переводы, мол купи себе пальто. «Баку хоть и теплый город, но

говорят зимой там дуют холодные ветра». В купленном в тот же день пальто он и сфотографировался.

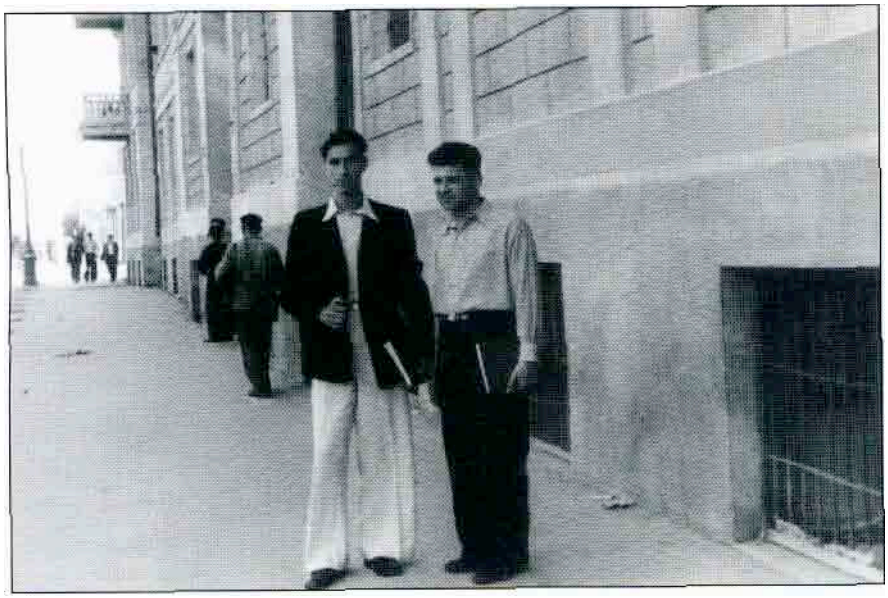
В своих воспоминаниях о студенческой поре в АзИИ и о первом знакомстве с В.А. Динковым пишет и **Шаген Саакович Донгарян,** бывший заместитель министра нефтяной промышленности СССР, а в 1949 году, в год поступления Динкова на нефтепромысловый факультет — студент-дипломник строительного отделения АзИИ (сказалась разница в возрасте В. Динкова, поступившего в институт после войны в возрасте 25 лет).

«В 1963 году, — пишет Ш.С. Донгарян, — комбинат «Татнефтестрой», начальником которого я был, передали в состав Главгаза СССР, где мы и встретились, признав друг в друге участников студенческой научно-технической конференции в начале 1950 года и даже вспомнив завязавшуюся тогда между нами дискуссию. Я потом был искренне удивлен тем, что «оппонент» был студентом лишь второго семестра, настолько рассудительными и зрелыми были его высказывания и суждения в области строительства.»

В институте он не случайно пользовался особым расположением к себе двух высокочтимых институтских профессоров:

заведующего кафедрой разработки и эксплуатации нефтяных и газовых месторождений **Михаила Хосровича Шахназарова** и заведующего кафедрой гидравлики, одного из крупнейших ученых страны, выпускника Санкт-Петербургского технологического института и первого проректора АзИИ академика **Иосифа Гавриловича Есьмана.** Почтенные ученые, они опытным глазом увидели в нем «способность, — как точно пишет А. С. Халаберда, — докапываться до сути», потенциальный заряд серьезных технических знаний, и каждый со своей стороны предрекал ему серьезное будущее в науке. Покоренные его жаждой знаний и необыкновенным трудолюбием они охотно открывали перед ним двери возглавляемых кафедр, нередко приглашая живущего в общежитии студента Динкова в семейный круг.

До сегодняшнего дня у живущего в Москве сына Иосифа Гавриловича, доктора технических наук **Вячеслава Иосифовича** сохранились воспоминания далекой бакинской поры и более близкие впечатления от встреч с министром газовой, а затем и с министром нефтяной промышленности В.А. Динковым в Москве. «Он был очень застенчив, когда после настойчивого



Два краснодарских друга, познакомившихся в 1949 году на приемных экзаменах, преодолевших все сложности студенческого становления в стенах АзИИ в Баку, проживших в одной комнате и на всю жизнь сохранивших верность более чем полувековой дружбе.
На снимке староста 242-й группы нефтепромыслового факультета АзИИ Василий Динков и студент той же группы Анатолий Халаберда в предве-рии дипломной защиты. Впереди полная неожиданностей жизнь. Баку, 1954 г.

приглашения отца впервые появился у нас дома в Баку и очень любезен, когда мы довольно редко встречались с ним по делам профессии в его служебных кабинетах», — вспоминает В.И. Есьман.

Дочь Василия Александровича Наташа подтвердила, как, вспоминая студенческие годы, отец всегда уважительно останавливался на этих именах, подчеркивая, что ему всегда везло на учителей.

Но В. Динков буквально прикипел к газовому направлению деятельности кафедры М.Х. Шахназарова, а всколыхнувшее кафедру в сентябре 1953 года радостное сообщение о мощном газовом фонтане из опорной скважины в далеком сибирском поселке Березово стало для него событием в высшей степени знаменательным. Гипотеза крупнейших отечественных ученых об углеводородных богатствах Сибири подтверждалась самым

Выпускники 242-й группы нефтепромыслового факультета АзИИ с любимым профессором Михаилом Хосровичем Шахназаровым. На снимке слева направо сидят: Е. Бурлаков, В. Динков, М.Х. Шахназаров, (?); стоят: (1-й ряд) З. Стеншина, Л. Мочалова, (2-й ряд) А. Ха-лаберда, Мартиросов, Шагаров, Агакишиев, И. Низиенко, В. Протасов. Баку, 1954 г.

убедительным, «фонтанирующим» способом. Из академических диспутов она переходила в область практических дел. И природный газ Сибири стал новым важным аргументом в пользу выбора темы дипломной работы. Она безоговорочно была посвящена проблемам газа. Памятная фотография двух дипломников В. Динкова и А. Халаберды из знакомого нам ФЭДа запечатлела их с дипломами на руках на пути к дипломной защите. Не предполагалось и не думалось ему, что через 12—13 лет после сообщения об открытии Березовского месторождения он уже в составе руководства Главгаза, а затем и Мингазпрома СССР, и вместе с ним будет делить и радость со-причасности к освоению газовых богатств Сибири, и огорчения, вызванные неудачами первых попыток уложиться в пла-

новые сроки сооружения газопровода Игрим — Пунга — Серов по доставке газа Березовской группы месторождений на Северный Урал, организовывать ликвидацию аварийной ситуации на газопроводе и сдержанно сетовать на трудности «сооружения сложной, тяжелой трассы» и газового промысла, задержку со сроками пуска которых местное руководство объясняло проще: «Не хватало техники, имевшаяся была слаба. Трубоукладчики без кабины, машинисты на них в заиндевевших шапках-ушанках; недоставало сварочных агрегатов, а автоматов сварки тогда не было. Изоляция трубопроводов велась по старинке — битумом. Ко всему прочему — бездорожье...».

Но все эти испытания ждут его впереди, а пока он думал лишь об одном — как можно быстрее защитить диплом и с головой окунуться в производство.

Блестящая защита диплома была первой серьезной заявкой будущего инженера В. Динкова на масштабные свершения в отрасли, делавшей в стране лишь первые шаги. Профессор Шахназаров, по сути один из признанных основоположников отечественной науки в газодобыче, многократно предлагал В. Динкову перейти на возглавляемую им кафедру, переключиться на научное творчество, быть помощником и коллегой в перспективном газопромысловом направлении деятельности, предрекая ему блестящее будущее именно в науке. Но его студента неудержимо влекло производство и воспитанная в молодом послевоенном поколении романтика великих строек.

Уважаемому ученому пришлось отказать, запечатлев на фотографии неизменную близость к этому доброму, умному и скромному человеку, так много сделавшему в профессиональном становлении Василия Динкова и многих сотен, если не тысяч молодых специалистов, выпускников Азербайджанского индустриального института.